

К ЧИТАТЕЛЮ

Я обращаюсь к тебе, юный читатель, собравшемуся в путь-дорогу по страницам книги.

Как ее читать? Последовательность не обязательна. Это не учебник. В один присест прочитать не удастся — кое о чем придется и поразмыслить.

О чем эта книга? Конечно, о словах. И еще о фразеологических оборотах. Исконно русских и иноземных, имеющих почтенный возраст и только что родившихся. О различных историях и метаморфозах, приключившихся с «героями» книги. Об их биографиях и родословных.

Книга приоткроет перед тобой немало лингвистических тайн.

Знаешь ли ты, например, словами из скольких языков пользуемся мы в повседневной речи? Отвечу: множеством слов из дюжины-другой языков. Невероятно? Давай посчитаем.

Класс — слово латинского происхождения.

Школа — слово греческое. Портфель — французское, ранец — немецкое, карандаш — тюркское, тундра — финское, пионер — английское, томагавк — алгонкинское, конфета — итальянское, чай — китайское. Из голландского — люк, малайского — орангутанг, хинди — сахар, персидского — сироп, турецкого — киоск, японского — каратэ, ацтекского — шоколад, еврейского — бегемот.

На каждом шагу «путешествия» незримо расставлены вопросы «А знаешь ли ты, что?..»

«Путешествие в слово», выпущенное издательством «Советская Россия» в 1975 году, принесло автору благожелательные рецензии в печати и письма читателей — как юных, так и взрослых.

Но самым дорогим для меня и поныне является пересланное из издательства в марте следующего года письмо московского школьника. (Обратный адрес на конверте выглядел так: Москва, Брянская ул. 4, кв. 63. Лосеву Сергею Сергеевичу.) Он доводил до сведения, что прочел «Путешествие...» «от доски до доски».

«Я учусь, — писал Сергей Лосев, — в восьмом классе. Через два месяца у нас начнутся экзамены. Экзамен по русскому языку — один из самых трудных. Именно поэтому мы сейчас повторяем пройденное — начиная от самого четвертого класса. Я тогда подумал: нельзя ли использовать материал из этой книги для ответа на экзамене? В одном из билетов был вопрос: „рассказать об однозначных и многозначных словах русского языка“. В книге этому посвящена целая глава: „Дюжина фуксов“ и следующая за ней: „Двойни-

ки, но не братья“. У нас был зачет по пройденному материалу. Я готовился к нему, используя книгу Вартаньяна. На следующий день вызвался отвечать сам...»

Сереза, пространно рассказав о своем ответе, торжествующе сообщил, что «ответ был оценен „5“. Это, пожалуй, первый такой ответ на эту тему. Получить „5“ у нашей учительницы русского языка трудновато...»

Бесхитростное письмо Сергея я воспринял как самую лестную оценку моих популяризаторских усилий и литературного творчества. Ведь пробудился активный интерес к родному языку, зернышко знаний заронено в благодатную почву — не в этом ли существо, смысл и предназначение труда популяризаторов?

Что хочется пожелать? Чтобы с книгой подружались тысячи других любознательных Серез и Валь, Свет и Наташ. Ежели такое исполнится — значит, не понапрасну затрачены труд и время, значит, принесли они свой радостный результат — сознание общественной полезности дела, которому служишь.

Автор

МАСТЕРСКАЯ СЛОВА,

или первая в ряду глав, повествующих о том, «как делаются слова», а потому начинающая разговор о словообразовании с самого активного и распространенного способа обогащения лексики — способа аффиксации, то есть присоединения к основе слова приставок и суффиксов

Сколько слов в русском языке? На этот сакраментальный вопрос не может убедительно ответить ни один специалист, ни одна статистика.

Двести тысяч русских слов собрал в своем «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даль. В этот словарь наряду со словами литературного языка включены и диалектизмы — слова местных говоров, употребляемые ограниченными группами людей. Семнадцатитомный «Словарь современного русского литературного языка» насчитывает более ста тысяч слов — в основном общеупотребительных, известных всем. В этот словарь не вошли «специальные слова» — термины и профессионализмы — из различных областей науки и техники, диалектизмы, явно устаревшие слова и т. п. Количество этих слов никем не подсчитано. Нет еще словаря профессионализмов, не составлены терминологические словари из многих областей науки и техники, а ведь «специальные» слова то и дело проникают в общий наш язык. Короче, если все это лексическое богатство свести воедино да сосчитать... Ну, тогда их, этих слов, окажется столько, сколько...

Воздержусь от принятого сравнения «...сколько звезд на небе», «...сколько песчинок на морском берегу» и прибегну к восточному афоризму, который утверждает: «Если море было бы чернилами, то скорее иссякло бы море, чем слова».

И русский язык — великий, необъятный, «живой как жизнь», — продолжает непрерывно развиваться. Расширяется его лексический состав. Слова рождают другие слова, и поток их все нарастает, чтобы успеть назвать предметы, действия, явления безудержного взлета научной мысли и технических достижений.

Как «делаются» слова? Кто их автор, создатель, творец? Главный языкотворец, «мастерской» слова — народ. Это он создал такие «изначальные» слова, как земля, огонь, вода, деревья, солнце...

Конечно, не надо представлять себе дело так, что все люди как-то разом, одним махом, взяли да и назвали свое жилище словом дом... Нет, естественно, когда-то был первый неизвестный наименователь определенного понятия. Повторенное другим, употребленное десятками, слово обжилось, закрепилось в коллективе людей. Оно будет изустно передаваться от поколения к поколению и, пройдя сквозь время и пространство, придет к нам. Попробуйте-ка установить конкретное лицо, придумавшее это слово.

Пока же взглянемся в языковой процесс, именуемый **аффиксация**.

Есть много возможностей обогащения лексики.

Самым распространенным и активным способом словообразования является создание новых слов на базе старых — посредством присоединения к основе слова аффикса: суффикса, префикса или суффикса и префикса одновременно.

Большинство слов можно расчленить на морфемы.

Морфема — наименьшая значимая часть слова. Следовательно, морфема — это и корень слова, и суффикс, и префикс (приставка), и окончание. Так, в слове *прилетели* 5 морфем: *при-* (приставка), *-лет-* (корень), *-е-* (суффикс), *-л-* (суффикс), *-и* (окончание).

Корень — основная, неделимая, главная значимая часть слова. Он — главный выразитель смысла, хозяин слова, тогда как другие морфемы — служанки. Это он может стать родоначальником целой семьи слов. Корень *-лет-* без труда обнаруживается в таком гнезде слов, как полет,

летный, летчик, летун, летать, прилет, отлет, самолет, залетный и десятки других слов. Есть немало слов без суффиксов и приставок, но нет слова без корня.

Суффикс — морфема, следующая за корнем и служащая для образования слов и грамматических форм. Суффиксы могут прикрепляться один к другому, как мы только что видели.

Префикс — морфема с таким же назначением, как и суффикс, только она идет впереди корня.

Окончание, как и суффиксы с приставками, не всегда присутствует в слове, но когда присутствует, то почти всегда его замыкает, стоит на конце (отсюда его название). Окончание — основная из морфем, образующих грамматические формы.

Основа — часть слова, которая остается, если отбросить окончание.

Постфикс — «частицы» *-ся, -те*, следующие за окончанием, если оно есть (например, в словах *баловаться, идите*).

Теперь присмотритесь к любому слову, в котором есть суффикс или префикс. Вы убедитесь, что они выражают вполне определенные и постоянные значения.

Существительные с суффиксом *-тель*, к примеру, обозначают лица по выполняемому ими действию; *искатель, испытатель, водитель, писатель, учитель*. Выступает этот суффикс (значительно реже) и в названиях неодушевленных предметов, производящих действия; *двигатель, указатель, краситель*. Подобные слова образуются, как правило, от глаголов.

Суффикс *-аг-* (*а*), орфографически *-яг-* (*а*) в существительных, обозначающих главным образом лица по их признакам и действиям, придает слову оттенок фамильярности, грубоватого сочувствия (*добряга, миляга, трудяга*), иронии или порицания (*деляга, хитряга*).

Интересную переоценку значения претерпело слово *стиляга*. Русский язык давно усвоил французское слово *стиль* (восходящее к древнегреческому *стилос* — «палочка для письма») в значении «слог, манера, вкус и т. д.», а также давно образо-

вал слово *стильный* — «выдержанный в определенном стиле».

И вот вам *стиль* + *яга* = *стиляга* — слово, бытовавшее на первых порах только в жаргонном обиходе. Возникнув в языке в первые послевоенные годы, оно сначала имело явно одобрительную окраску. В жаргонной речи появились и родственники этого слова — *стилять*, *стильнуть*, *стиляжить*.

С 1949 года наступает этап переосмысления слова. Именно тогда литераторы и журналисты дали бой людям «стиляжного» толка.

Первым в бой пошел «Крокодил». Писатель-сатирик Д. Г. Беляев в своем фельетоне из серии «Типы, уходящие в прошлое» поделился с читателем своими впечатлениями от встречи с одним таким *стилягой*. Автор, рассказав о манере *стиляги* держаться и его лексиконе, несколько необычном для человеческого языка, писал:

«*Стилягами* называют сами себя подобные типы на своем птичьем языке. Они выработали свой особый стиль — в одежде, в разговорах, в манерах. Главное в их „стиле“ — не походить на обыкновенных людей. И в подобном стремлении они доходят до нелепостей, до абсурда».

Приступив к осаде противника, наша печать стала бить *стиляг* их же оружием. Сатира превратила слово-саморекламу в слово-клеймо, вложив в него презрительно-осуждающий смысл. Уже войдя в литературный язык, слово дало производные: *стиляжество*, *стиляжничество*. Для чего созданы эти слова? Вероятно, для того, чтобы «убить явление, им означаемое».

Кстати сказать, это слово-однодневка давно уже умерло, его сейчас почти никто не употребляет, и бывшие стилиги или их наследники, успев побывать «битниками», заделались «хиппи». Кем-то они станут завтра?..

Родилось в Азии новое государство Бангладеш, потребовалось найти название для его граждан. И по образцу уже имеющихся слов с деятельным суффиксом *-ец*, образующим наименования лиц по географическому положению, мы образовали: *бангладешец*. Сравните: *Вьетнам — вьетнамец, Испания — испанец*.

Суффикс — большой «трудяга». Взятся за работу суффикс *-чанин* — и вот вам: *англичанин, датчанин, ростовчанин...* Другой образует названия лиц, обозначает профессию. Стоит только к корню слова присоединить *-ар* или *-яр*, как перед нами предстанут — *овчар, гусяр*. Взятся за работу суффикс *-ун* — и вот вам названия лиц по их действиям: *бегун, болтун, опекун* (хотя, отметим, суффикс может быть принадлежностью и таких, скажем, слов, как *грызун, скакун, валун, колун*).

Есть суффиксы, указывающие на отнесенность слов к существительным общего рода. Это уже упомянутый *-аг-(а)* (*молодчага, работяга*); затем *-ул-(я)* (*чистюля, грязнуля*); *-он-(я)* (*соня, тихоня*); *-уш-(а)* (*копуша, дорогуша*) и другие. Эти же суффиксы, как вы видите, являются и оценочными.

Короче говоря, суффиксы — это мастера на все руки. Они могут вложить в слово субъективную оценку, образовать названия предметов... Они

меняют у слов число, род, могут образовывать от одной части речи другие... Но и суффиксы живут по законам диалектики. Одни редко участвуют в образовании новых слов и явно отживают свой век. Другие являются активными, вовсю трудятся.

Возьмем же на заметку: в случае необходимости в мастерской слова может быть создано множество слов по способу суффиксации.

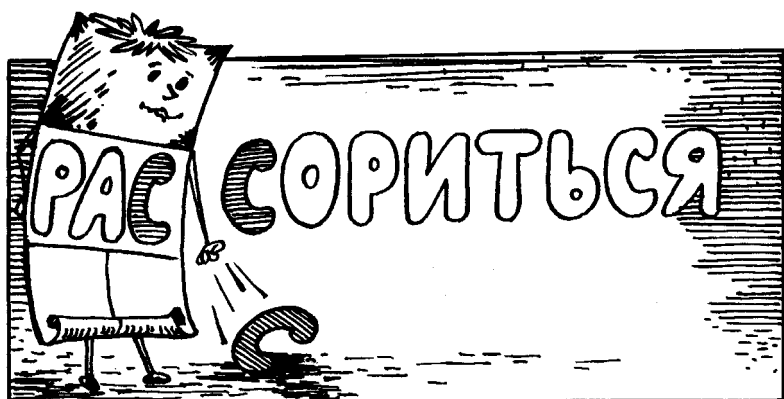
Другие способы производства слов — префиксация и префиксация совместно с суффиксацией.

Правда, префиксы не столь всемогущи, как суффиксы. «Приставленные» к слову, причем всегда к готовому, они, как правило, не влияют на само существо понятия, придавая, тем не менее, слову новые оттенки значения (но могут придавать и новые, — подчас противоположные, значения).

Вот беру я глагол *бежать*. И, попеременно снабжая его различными приставками, получаю слова, в которых есть указание не только на направление движения, но и на его характер: *прибежать, убежать, подбежать, отбежать, перебежать, вбежать, набежать...*

Приставка *вне* — указывает на положение за пределами чего-либо: *внеземные цивилизации*; *около* — на расположение вокруг и возле чего-нибудь: *околоземная орбита* и т. д.

Особенно охотно приставки дружат с глаголами, прилагательными и наречиями, однако не чураются и существительных. В прилагательных префикс *на-* указывает чаще всего на расположение чего-то на чем-то: *настольный, настенный, нагорный*. Это *на-* в возвратных глаголах уже

говорит об избыточности действия: *наиграться, набегаться, наслушаться*. Если вы скажете, что *намакаронились*, вас вполне правильно поймут: вы вдоволь наелись макарон. Подобные полушуточные образования нынче стали довольно часто появляться в непринужденной товарищеской беседе. Можно, наслушавшись музыки Хачатуряна, *«нахачатуряниться»*. Помните, Пушкин образовал слово *огончарован*, а Чехов — *замерсикал*.

Гибок язык человека; речей для него изобильно
Всяких; поле для слов и туда и сюда
беспредельно —

утверждал Гомер.

Если словообразовательная сила языка греков и языка римлян заключена в возможностях префиксации, английского — в переводе слов из одной части речи в другую, немецкого — в основосложении, то мощь и гибкость русского языка обусловлены не в последнюю очередь неисчислимыми комбинационными возможностями создания слов с помощью суффиксов и приставок.

Именно это дает языку нашему, по наблюдению Н. Г. Чернышевского, «решительное превосходство... над другими европейскими языками по богатству и разнообразию словопроизводства».

И НАОБОРОТ...

Менее распространен в русском языке бессуффиксный способ словообразования (или, как его еще называют: безаффиксный способ, нулевая суффиксация) — процесс, как бы «обратный» только что рассмотренным. Отбросив от слова суффикс, мы получаем вполне самостоятельное новое слово, чаще всего существительное. Так образуются слова от некоторых глаголов, прилагательных, реже от существительных.

Например, от глаголов *ввозить* и *вывозить* образованы слова *ввоз* и *вывоз*, от глаголов *записывать* и *зажимать* — *запись* и *зажим*.

У Пушкина в «Евгении Онегине» есть слова, вызвавшие недоумение критики.

Лай, хохот, пенье, свист и хлоп,
Людская молвь и конский топ.

Отвечая ревнителям чистоты русского языка, Пушкин писал: «В журналах осуждали слова: хлоп, молвь, топ, как неудачное нововведение. Слова сии коренные русские. „Вышел Бова из шатра прохладиться и услышал в чистом поле людскую молвь и конский топ“ (сказка о Бове-Королевиче). Хлоп употребляется в просторечии вместо хлопанье, как шип вместо шипение: